

© 2016 г.

М.И. ШИКУЛО

СПОРЫ О СТАТУСЕ: ПОСОЛЬСКИЙ ИНТРОДУКТОР И ИНОСТРАННЫЕ ПОСЛЫ ВО ФРАНЦИИ XVII века

Должность посольского интродуктора во Франции XVII столетия – придворного, который вводил иностранных послов на дворцовые церемонии и обеспечивал общение короля с корпусом иностранных дипломатов, неоднократно привлекала внимание исследователей. Еще в начале XX в. вышло в свет небольшое эссе французских дипломатов О. Боппа и Л. Делава “Посольские интродукторы. 1585–1900”¹, где были подробно описаны обязанности интродукторов и дан краткий биографический перечень лиц, занимавших этот пост. За последние годы в связи с возросшим интересом историков к изучению придворного церемониала эпохи Людовика XIV появился целый ряд новых работ, посвященных посольскому интродуктору². Этот интерес объясняется тем, что интродуктор являлся одной из ключевых фигур в организации дипломатического церемониала Франции, а также тем, что в большинстве европейских стран аналога его должности не существовало. Как правило, функцию ввода послов при дворах европейских государей исполняли другие должностные лица (в дополнение к их основным обязанностям), либо для этого каждый раз назначались специальные люди. Исключение составляли лишь Франция и Испания, где имелись сходные по своим функциям должности интродуктора и кондуктора. В этой связи заслуживает отдельного упоминания работа американского ученого А. Луми “Сопроводитель послов во Франции и Испании XVII в.”³, представляющая собой сравнительное исследование этих должностей.

В литературе посольский интродуктор рассматривается в основном как лицо, вводящее послов на аудиенцию к королю, при этом в стороне остается осуществлявшаяся им связь между королем и представителями иностранных государей вне стен королевского дворца, тогда как эта функция была не менее значимой. Так, французская исследовательница А. Югон отмечает, что интродукторы, регулярно вступая в контакты с послами, являлись своего рода тайными агентами короля, добывающими секретную

Шиколо Максим Игоревич – аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ *Boppe A., Delavaud L.* Les Introduceurs des Ambassadeurs. Paris, 1901.

² *Nguyen M.-L.* Les officiers de la Maison du Roi et le cérémonial public de Henri III à Louis XVI: Mémoire de DEA. Paris, 2000; *Brouillet S.* De Versailles à Paris: Nicolas de Saintot, chorégraphe de la monarchie en représentation (1711–1716). – Palais et pouvoir: de Constantinople à Versailles. Dir. M.-F. Auzepy, J. Cornette. Saint-Denis, 2003; *Sabatier G.* Les itinéraires des ambassadeurs pour les audiences à Versailles au temps de Louis XIV. – Diplomatisches Zeremoniell in Europa und im Mittleren Osten in der frühen Neuzeit. Hrsg. R. Kauz, G. Rota, J.P. Niederkorn. Vienne, 2009.

³ *Loomie A.J.* The Conducteur des Ambassadeurs of Seventeenth Century France and Spain. – *Revue belge de philologie et d'histoire*, t. 53, fasc. 2, 1975; а также см.: *Hugon A.* Au service du roi catholique, “honorable ambassadeurs” et “divins espions”: représentation diplomatique et service secret dans les relations hispano-françaises de 1598 à 1635. Madrid, 2004; *Gómez del Campillo M.* El espía mayor y el conductor de embajadores. – *Boletín de la Real Academia de la Historia*, v. 119, 1946.

информацию⁴. В Испании, например, для этого существовала специальная должность. Очевидно, что роль интродуктора в его общении с послами вне придворных церемоний не ограничивалась ролью “филера”. Скорее это было уже следствием. Главная задача интродуктора состояла в том, чтобы информировать послов о предстоящих церемониях, посвящать их в детали церемониала, наносить визиты с каким-либо поручением от короля (вручение подарка и т.п.). Поскольку для XVII в. была характерна строгая иерархичность во взаимоотношениях, то во время контактов между иностранными послами и интродуктором неизбежно возникала проблема иерархии.

В этом ключе должность посольского интродуктора еще не была изучена. Постановка вопроса о том, каким образом происходила иерархическая корреляция между интродуктором – придворным служащим и иностранными послами, не являвшимися в строгом смысле придворными, представляет интерес потому, что эти должности, по сути, находятся в разных плоскостях. С одной стороны – представитель дипломатического корпуса, с другой – служащий, который не имеет прямого отношения к дипломатии, но занимается организацией церемоний. Их взаимодействие никак не затрагивает конкретно-политических вопросов, а ограничивается исключительно вопросами церемониала. Однако оно порождает проблему соотношения статусов, старшинства (*préséance*). В условиях, когда нормы дипломатического этикета не были регламентированы никаким официальным документом и определялись установившейся традицией, как это было в XVII в., решение этой проблемы символического порядка зачастую вызывало серьезные трудности и приводило к спорам. Как же разрешались такие спорные ситуации между послами и посольскими интродукторами? Как соотносились эти должности между собой? И можно ли вообще употреблять понятие “старшинство” (первенство по рангу) применительно к паре интродуктор – посол?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к спору о почестях, возникшему в 1695 г. между венецианским послом во Франции в 1694–1699 гг. Николо Эриццо и посольским интродуктором Николя де Сенкто, занимавшим эту должность в 1691–1709 гг. Вкратце суть спора этих двух господ сводилась к выяснению того, должен ли посол оказывать почести интродуктору, принимая его в своих апартаментах.

Этот один из имевших место многочисленных споров по поводу церемониала дошел до нас фактически полностью в изложении самих участников, а не в чьем-либо пересказе. Мы узнаем о нем из записок, которые Эриццо и Сенкто посылали королю. Оба адресанта обращались к Его Величеству, приводя аргументы в свою пользу. Однако содержание этих записок таково, что каждая новая записка посольского интродуктора выглядит как ответ на записку посла. В результате подача жалоб на имя короля приобрела характер косвенной переписки. В “Журнале приемов”⁵, где собраны различные документы по дипломатическому церемониалу, в том числе рукописные копии указанных записок, последние расположены именно так, как если бы это была переписка полемизирующих сторон (сначала приводится записка посла, затем следует ответ интродуктора, потом – вновь записка посла и т.д.).

Спор между Эриццо и Сенкто интересен еще и тем, что позволяет проследить систему взаимоотношений послов и интродукторов в целом. Приводя доводы в подтверждение своей позиции, авторы записок неоднократно ссылаются на различные прецеденты, случавшиеся в прошлом, но интерпретируют их по-своему.

Кто же был прав в этом споре? Должен ли был посол Венеции оказывать почести интродуктору, который пришел к нему в дом с подарком от короля по случаю крестин его дочери? (Заметим, что крестным отцом ребенка был сам король.) И существовала ли абсолютная норма при подобного рода общении?

Недовольство Эриццо объяснялось главным образом тем, что посольский интродуктор требовал оказать ему почести, которые венецианские послы, по мнению Эриц-

⁴ Hugon A. Op. cit., p. 295.

⁵ Bibliothèque de l’Institut de France, ms. 725. Journal des réceptions, audiences, visites des princes et ambassadeurs étrangers à la cour de France et du cérémonial qui y fut observé (далее – Journal).

цо, никогда не оказывали интродукторам. В своей жалобе королю Эриццо указывает, что г-н Сенкто, входя в его апартаменты, прошел вперед, а затем сел в кресло, как делал это неоднократно в подобных случаях. Однако в этот раз у посла находился папский нунций. Эриццо подчеркивает, что был оскорблен таким поведением г-на Сенкто, позволившего себе присвоить почести, которые ему не полагались, в присутствии нунция⁶. Венецианский посол выделяет в записке два момента: притязания интродуктора вообще (т.е. по отношению ко всем послам, находящимся при французском дворе) и конкретный случай, послуживший непосредственным поводом для спора⁷.

Из вышесказанного следует, что практика оказывать, пусть и вынужденно, с явным неудовольствием почести интродукторам, когда они наносили визит послам, все же имела место. И это касалось не только послов Венеции. Так, в трактате известного франко-голландского дипломата Авраама де Викфора о послах находим эпизод, связанный с посольским интродуктором в 1635–1671 гг. Николя Фор де Берлизом и английским послом во Франции в 1635–1639 гг. Джоном Скудамором. Однажды (это было время правления кардинала Ришелье) г-н Берлиз, прежде чем отправиться по поручению короля к английскому послу виконту Скудамору, поинтересовался у своего помощника Рене Жиро, примет ли его посол так же, как другие послы принимают других интродукторов, имея в виду оказание почестей.

Жиро, секретарь – сопроводитель послов с 1625 по 1697 г. и большой знаток дипломатического церемониала, ответил, что в этом не следует сомневаться. Однако посол Англии отказался оказывать почести Берлизу, сославшись на то, что его предшественник, пропустив интродуктора вперед на входе и позволив ему сесть, получил за это выговор от английского короля. В итоге Берлиз был удостоен лишь того, что после приема посол проводил его до кареты. Такое обращение возмутило интродуктора, и он отказался впредь приходить на приемы к Скудамору. Узнав о случившемся, кардинал Ришелье одобрил решение Берлиза, отметив, что тот поступает правильно, отстаивая достоинство своей должности⁸.

Разбирая этот случай, Викфор приходит к выводу, что вопрос о почестях в разных странах имел разную традицию, от которой и зависела позиция посла, представлявшего государя своей страны при французском дворе. В Англии, например, церемониймейстер, выполнявший, кроме всего прочего, функции посольского интродуктора, всегда входил после иностранного посла, когда тот принимал его у себя. Поэтому английские послы ждали такого же поведения и от интродукторов французских.

Однако обычаи какого двора следовало считать определяющими церемониальные отношения между послом и интродуктором? Эти весьма запутанные нормы не регламентировались никакими официальными документами, и в каждом спорном случае обращались либо к наиболее сведущим специалистам по церемониалу (таким, как Жиро), либо, позднее, к дипломатическим трактатам, которые начали появляться в конце XVII в. Тем не менее и они не являлись эталоном для безоговорочного разрешения противоречий.

Не удивительно поэтому, что г-н Сенкто выступил с требованием оказания почестей интродуктору, ссылаясь на французский обычай. В одном из ответов венецианскому послу он приводит в качестве примера тот факт, что французские послы при испанском и португальском дворах всегда оказывают означенные почести лицам, исполняющим роль интродукторов, принимая их у себя⁹. Требование Сенкто носило довольно умеренный характер. Оно не касалось придворных церемоний, в частности, аудиенций и прочих мероприятий, проходивших при дворе, в которых участвовали послы, – свадеб,

⁶ Ibid., f. 416, 418.

⁷ Ibid., f. 339.

⁸ *Wicquefort A. de. L'ambassadeur et ses fonctions, livre 1. La Haye, 1682, p. 398.* Викфор приводит этот эпизод по рукописи “Мемуаров” Берлиза. См. *Berlize F. Mémoires de Monsieur de Berlize, Introduceur des Princes Etrangers et Ambassadeurs à la Cour de France depuis l’an 1639 jusqu’en 1663.*

⁹ Journal, f. 348.

церемоний lever и coucher и т.д. В таких ситуациях, отмечал Сенкто, интродукторы не претендуют на почести со стороны послов, наоборот, сами уступают им эти почести. Он писал, что интродукторы вовсе не стремятся ни к первенству, ни к равенству с послами, и настаивал на оказании почестей со стороны послов исключительно в тех случаях, когда интродуктор от лица короля приходит с визитом в апартаменты посла. И это требование, как утверждал Сенкто, не связано с придворной иерархией должностей – послы должны всего-навсего соблюдать правила приличия¹⁰.

Отстаивая право интродуктора на почести, Сенкто ссылается также на венецианскую традицию. Он отмечает, что послы Венеции, служащие в Испании и Португалии, оказывают почести кондуктору (являвшемуся тем же, что французский интродуктор) или другому лицу, который исполняет его обязанности. В этой связи Сенкто не видит причин для того, чтобы посол Венеции, находящийся при французском дворе, не оказывал почести интродуктору. “В Испании, – пишет он, – французские послы пропускают вперед интродукторов, и, следовательно, справедливо, чтобы его тоже пропускали, так как он оффисье¹¹ христианнейшего короля, первенство которого неоспоримо признано всеми дворами”¹². Кроме того, пишет Сенкто, французские послы в Венеции оказывают почести кавалеру Золотой звезды, исполняющему функции интродуктора Светлейшей Республики. Таким образом, спор о почестях имеет характер не просто частного конфликта, а становится вопросом государственного престижа.

Посол Эриццо, несмотря на всю свою убежденность в том, что послы не должны оказывать интродуктору почести, на практике неоднократно изменял своим принципам, как и сам об этом пишет. И это было заслугой Сенкто, отстаивавшего права и честь собственной должности. Эриццо в свою очередь считал оказание почестей интродуктору явным умалением статуса посла. И если он мог смириться с подобным общением тет-а-тет, то в присутствии третьего лица – представителя “первого принца христианского мира” – это показалось ему невозможным, что и привело к открытому скандалу. Эпизод с нунцием стал последней каплей, переполнившей чашу терпения, после чего посол заявил, что если послам и случалось оказывать почести интродуктору, то это были лишь инциденты, которые нельзя рассматривать в качестве образца. На самом же деле, по его мнению, это – серьезное нарушение прав послов и принижение их должности.

В доказательство своей правоты Эриццо ссылается на трактат Викфора, на уже рассмотренный нами пример с интродуктором Берлизом и английским послом Скудмором. “Берлиз, – пишет Викфор, – шел к послу как оффисье короля, по долгу службы. Таким образом, он не может рассматриваться так, как рассматривался бы первый камер-юнкер, хранитель гардероба или какой-нибудь другой оффисье Дома короля, которого использует король, чтобы оказать внимание послу. Этот оффисье (один из названных оффисье Дома короля, но не интродуктор. – *М.Ш.*) является представителем (короля. – *М.Ш.*) и, будучи кем-то вроде посла, должен рассматриваться как человек короля. Но я не думаю, – продолжает Викфор, – что то же можно сказать об интродукторе, выполняющем лишь те функции, к которым его обязывает занимаемая должность”¹³.

Итак, Викфор отделяет посольского интродуктора от прочих оффисье, которые могут быть отправлены королем к послам с каким-либо поручением. Поскольку эти оффисье – первый камер-юнкер или кто-то другой – выполняют задание, не связанное с их основной деятельностью, т.е. по сути выходящее за рамки их должностных обязанностей, они могут претендовать на почести со стороны принимающего их посла. Интродуктор же, направляясь к послу, исполняет лишь то, к чему его обязывает занимаемая

¹⁰ Ibid., f. 416.

¹¹ *Оффисье* – должностные лица во Франции, которые покупали свои должности у государства и поэтому могли ими распоряжаться (переуступать другому лицу, передавать по наследству). Оффисье на постоянной основе исполняли обязанности, делегированные им королем, что давало основание рассматривать их как “людей короля”.

¹² Journal, f. 371, 373.

¹³ *Wicquefort A. de. Op. cit.*, p. 398–399.

должность, выступая в качестве посредника между двором и иностранными послами, и поэтому вопрос о почестях остается спорным. Однако у Викфора нет конкретного указания на то, что интродукторы лишены такого права, и ссылка венецианского посла на этот фрагмент выглядит не вполне оправданной. Более того, немного выше Викфор пишет о том, что в каждой стране существуют собственные обычаи и что, если в Англии церемониймейстер не пользуется привилегиями у иностранных послов, то во Франции интродуктор вправе их себе требовать. И поэтому Сенкто с полной уверенностью в своей правоте заявляет, что знаки почтения, которые должны оказывать послы тем, кто наносит им визит от лица короля, не могут зависеть от того, является ли этот визит особым поручением или же обычным исполнением должностных обязанностей. Критерием служит лишь то, что визит совершается от лица Его Величества¹⁴.

Эриццо трактует этот пассаж несколько иначе. Он убежден, что венецианские послы всегда обладали правом принимать у себя интродукторов, не пропуская их вперед. Его главным аргументом является утверждение, что только послы, выполняющие репрезентативную функцию, т.е. представляющие своих государей, могут обладать этой привилегией, в то время как интродуктор лишь служит королю, но не представляет его. Как пишет Эриццо, у короля при дворе есть огромное число оффисье, т.е. лиц, которые ему служат, но нет никого, кто представлял бы его, так как король сам там присутствует¹⁵.

Таким образом, Эриццо видит глубокую разницу между тем, чтобы служить королю, и тем, чтобы представлять его. При этом, по его мнению, исключительным правом представительских функций обладают послы. Для понимания данного тезиса необходимо разобраться в том, что такое посол в контексте той эпохи. Интересное наблюдение в этом смысле сделал французский исследователь С. Вассер. Вспоминая теорию Э. Канторовича о “двух телах короля”: естественном (или физическом) и политическом – о смертном и бессмертном, сочетающихся в личности короля, и анализируя связь этой теории с дипломатией, Вассер приходит к выводу, что посол, представляя государя при иностранных дворах, является носителем определенной части своего суверена, а именно – его политического (бессмертного) тела. Принимая посла, иностранный государь видит в нем этот символический образ политического тела монарха¹⁶. Если принять такую точку зрения, становится понятной позиция венецианского посла, который настаивает на чрезвычайной важности разделения понятий простой службы и исполнения репрезентативной функции.

Отметим, что, хотя Венеция была республикой, ее послы рассматривались во Франции как представители коронованных особ (*Tête couronnée*), правда, последние в ряду прочих¹⁷. Таким образом, разница в положении между послом и интродуктором не сводится, считал Эриццо, только к вопросу о служебной придворной иерархии. Посол, отправляя свои обязанности, безусловно, как и прочие оффисье, служит монарху, но его репрезентативная функция подразумевает нечто большее: он наделен не просто полномочиями представлять государя, но является как бы частью его политического тела. Эту разницу между служением и репрезентацией, носящую символический характер, можно выразить в следующей формуле: представлять – значит, быть носителем монаршей воли, служить – значит, исполнять волю монарха.

В споре с Сенкто венецианский посол ловко использует разделение службы и репрезентации в свою пользу. Сенкто тоже признает подобное разделение, однако не считает его критерием, которым определяется оказание почестей или отказ в них тому или иному

¹⁴ Journal, f. 394.

¹⁵ Ibid., f. 349.

¹⁶ Vasseur S. La mise en scène de la puissance. Étude du cérémonial diplomatique au temps de Louis XIV à travers les Mémoires du baron de Breteuil (1699–1715). Mémoire de Master 2 en Histoire. Paris, 2011–2012, p. 96–97.

¹⁷ Rousset de Missy J. Le cérémonial diplomatique des cour de l'Europe, t. 1. Amsterdam, 1739, p. 51.

лицу. Во-первых, он отмечает, что г-н Эриццо чрезвычайно сокращает круг лиц, которые могут представлять короля, ограничивая его лишь послами. При этом Сенкто ссылается на уже приводимый нами отрывок из Викфора, откуда следует, что своим представителем для исполнения определенного поручения король может назначить некоторых должностных лиц своего Дома. Во-вторых, Сенкто соглашается с тем, что интродуктор не входит в их число, но это нисколько не умаляет его права на получение почестей.

Позиция Сенкто, состоящая в том, что представительские функции не влияют на право получать почести, выглядит еще более убедительной, если обратиться к примеру церемонии официального въезда посла в Париж. Согласно установившейся традиции сразу же после этой церемонии послы, прибыв в свои апартаменты, принимали у себя первого камер-юнкера, которого король отправлял в качестве своего представителя для поздравления посла. По этому случаю посол оказывал камер-юнкеру почести, пропуская его вперед при входе в залу для приема. Однако в аналогичной ситуации с нунцием камер-юнкер не удостоивался такой почести¹⁸. Это объяснялось тем, что нунций занимал более высокое положение, чем обычный посол, являясь представителем папы, главы христианского мира.

Данный пример, с одной стороны, показывает, что круг представителей короля, вопреки утверждению Эриццо, не ограничивался только послами. Если послы выполняли репрезентативную функцию за границей, то внутри королевства монарх также вправе был назначить своего представителя для поручения ему какого-либо задания (как в случае с камер-юнкером), и это вовсе не противоречит тому, что король собственной персоной присутствует при дворе. С другой стороны, становится ясно, что представительские функции действительно не являлись обязательным условием оказания почестей. Камер-юнкер, который выступал в качестве представителя короля как в ситуации с обычными послами, так и с нунцием, удостоивался почестей в первом случае и не удостоивался их во втором. Таким образом, утверждение Эриццо о том, что интродуктор не представляет короля, но только служит ему (с чем, впрочем, согласен и сам Сенкто), вовсе не лишает интродуктора права на почести.

Очередной аргумент Эриццо насчет того, что интродуктору не следует оказывать почести, связан с еще одной категорией дипломатических служащих – иностранными посланниками, т.е. представителями иностранных государей более низкого ранга, чем послы. Эриццо утверждает, что посланники во всем уступают послам и не претендуют на почести со стороны послов. При этом в ряду должностей посол – посланник – интродуктор Эриццо последнюю роль отводит интродуктору и заявляет, что если посланники не претендуют на почетное место в доме посла, то интродукторы и вовсе не могут на него рассчитывать.

Утверждение Эриццо о четко установленной иерархии между послами и посланниками верно лишь отчасти, а именно, когда речь идет о сравнении положения послов и посланников одного порядка: посланник коронованной особы всегда занимает более низкую ступеньку на иерархической лестнице, чем посол коронованной особы. Однако проблема усложняется, когда встречаются дипломаты разного порядка, когда, например, происходит коммуникация между послами некоронованной особы (Венеция, Савойя, Голландия и др.) и посланниками коронованной особы. В этой ситуации посланники претендовали на то, чтобы послы оказывали им почести, в частности, пропускали их вперед, принимая у себя.

Во Франции этот вопрос решался таким образом, что посланники коронованных особ в большинстве случаев просто не ходили к послам некоронованных особ¹⁹, поскольку те не соглашались на их требования. Сенкто в одной из своих записок отмечает, что оказания почестей со стороны венецианского посла добивались посланники Португалии и Дании, а также посланник Флоренции, хотя он и не являлся посланником

¹⁸ Archives diplomatiques du ministère des Affaires étrangères, Mémoires et documents, fonds France, v. 1830, f. 35, 168, Cérémonial – 1558 à 1704. – Mémoires et relations de M. de Saintot.

¹⁹ Rousset de Missy J. Op. cit., t. 1, p. 117.

коронованной особы²⁰. В отличие от Эриццо Сенкто ставит должность посольского интродуктора на иерархической лестнице выше должности посланника, и поэтому его претензии к послу Венеции выглядят вполне логично.

Доказывая более значимое положение интродуктора по отношению к посланникам, Сенкто обращается к церемониалу публичных придворных церемоний – коронаций, свадеб, похорон, *Te Deum*. На всех этих церемониях, отмечает он, интродуктор сидит на той же скамье, что и послы коронованных особ, и тоже имеет подушечку. А все посланники и послы некоронованных особ располагаются сзади на отдельных скамейках. Кстати сказать, именно по этой причине посол Венеции не присутствовал на коронации Людовика XIV в 1654 г. Несмотря на то, что венецианские послы рассматривались как представители коронованных особ, ему было отведено место на задней скамье, чему он воспротивился и не пошел на церемонию. Далее Сенкто пишет, что на обеде после коронации интродуктор обедает вместе с послами в той же зале, где и король, и сидит за столом напротив канцлера²¹.

Однако г-на Эриццо, который, как отмечает в мемуарах посольский интродуктор Бретей, был довольно сложным человеком и одним из самых несговорчивых в вопросах церемониала послов, когда-либо направленных из Венеции во Францию²², не удовлетворили доводы Сенкто, и он прибег к сравнению полномочий испанского кондуктора и французского интродуктора. Мы уже говорили о том, что в Испании кондуктор пользовался почестями со стороны всех иностранных послов (в том числе венецианского и французского), на что, по мнению Эриццо, не мог претендовать французский интродуктор. Посол Светлейшей Республики отмечал, что даже разница в названиях этих должностей неслучайна: испанское “кондуктор” отражает более широкие полномочия и, следовательно, более почетный статус, чем французский “интродуктор”. Главная функция кондуктора Испании, как полагал Эриццо, состоит не только в том, что он вводит иностранных послов на аудиенции, но еще и представляет их королю. Во Франции же имеется специальное лицо – иностранный принц или маршал Франции, – которое назначается официально, чтобы сопровождать посла во время аудиенции. Оно выступает как некий символический посредник между послом и монархом. Сопроводительная же функция интродуктора сводится к тому, чтобы следить за правильностью выполнения деталей церемониала²³.

Аргумент венецианского посла вызвал крайнее недоумение г-на Сенкто, посчитавшего, что разница в названиях либо вовсе ничего не значит, либо, если уж судить по точному значению слов, интродуктор во Франции неизбежно должен иметь более высокий статус, нежели кондуктор в Испании. Слово “интродуктор”, по мнению Сенкто, имеет более широкий смысловой охват, чем “кондуктор”, так как вводить кого-либо к кому-либо гораздо важнее, нежели просто вести²⁴. Доводы и посла, и интродуктора, основанные на притянутой за уши лингвистической игре, выглядят весьма сомнительно. Зато следующий довод Сенкто с очевидностью демонстрирует, что Эриццо или недостаточно хорошо знал испанский церемониал, или же умышленно, чтобы оправдать свою позицию, извращал факты. В Испании, точно так же как и во Франции, кондуктор не представлял посла королю, а лишь сопровождал его во время аудиенции. И вел посла к королю он не один, а вместе с мажордомом, подобно тому, как во Франции посла сопровождали интродуктор и иностранный принц или маршал Франции²⁵.

²⁰ Journal, f. 358.

²¹ Ibid., f. 356, 358. Об этом также см. *Duffo F. Le sacre de Louis XIV à Reims le 7 juin 1654. Paris, 1935, p. 45.*

²² Bibliothèque nationale de France – Bibliothèque de l’Arsenal, ms. 3860, f. 261, *Mémoire du baron de Breteuil.*

²³ Journal, f. 385.

²⁴ *Conducir (исп.) – вести; introduire (фр.) – вводить.* Отсюда – соответственные названия должностей.

²⁵ Journal, f. 386, 388, 390.

Содержанием последнего пункта спора посла Венеции и интродуктора стала материальная составляющая. Так, г-н Эриццо утверждал, что посольский интродуктор не имеет права претендовать на почести еще и потому, что он состоит на содержании у послов²⁶. Действительно, посольские интродукторы получали определенное материальное вознаграждение от послов, что делало их должность довольно привлекательной с точки зрения доходов. Американский историк Дж. Дуиндам, сравнивая должности обер-церемониймейстера и интродуктора, отмечает, что последняя была более прибыльной. Хотя жалованье обер-церемониймейстера составляло 3 тыс. ливров, а интродуктора – 600 ливров в семестр (на конец XVII в.), реальный доход интродукторов был гораздо выше – до 9 тыс. ливров, поскольку они получали плату не только от короля, но и от самих послов²⁷.

Отметим, что интродукторы никогда не получали от послов денег напрямую, а те суммы, которые, безусловно, составляли основную статью их доходов, формировались в результате обналичивания многочисленных подарков, преподнесенных им послами. Дело в том, что иностранные послы, получая подарок от короля, должны были сделать ответный презент посольскому интродуктору, эквивалентный по стоимости полученному от Его Величества. Причем послы не имели права заменять подарок денежным вознаграждением. Справедливо ли, учитывая это, говорить о том, что интродукторы состояли на содержании у послов? Как пишет Сенкто, если получение подарка называть находением на содержании, то тогда послы в свою очередь находятся на содержании у короля²⁸, при дворе которого служат, но это абсурдно. Под содержанием понимается все же некий постоянный доход, в то время как подарки делаются от случая к случаю, а чисто теоретически могут и вовсе не делаться, и тогда ни о каком содержании говорить уж точно не приходится. Поэтому и этот довод Эриццо кажется не вполне оправданным.

В споре с интродуктором Сенкто венецианский посол преследовал цель укрепить свой статус, а если смотреть шире, то его главной задачей было поддержание и повышение престижа своей республики при французском дворе. Здесь следует заметить, что послы Венеции занимали там особое место. На это указывает уже то, что король традиционно был крестным отцом их сыновей, рожденных во Франции²⁹, а в случае с Эриццо – и дочери. За время пребывания во Франции Эриццо удалось добиться признания за послами Венеции статуса представителей коронованной особы (прежде этот статус признавался за ними лишь теоретически). Если раньше послов Венеции во время их первой и последней аудиенции сопровождал маршал Франции, то Эриццо на его последней аудиенции (*audience de congé*) в 1699 г. сопровождал иностранный принц. Впоследствии этот случай стал рассматриваться как прецедент. В целом вряд ли возможно говорить о каком-либо линейном старшинстве в вопросе иерархической корреляции рассматриваемых должностных лиц.

В приведенном нами, на первый взгляд, несущественном споре посла и интродуктора было завязано множество различных интересов. Здесь и личностный конфликт Сенкто и Эриццо, и проблема соотношения статусов интродуктора и посла, и, как следствие, более широкий вопрос государственного престижа. Каждый со своей стороны стремился распутать этот узел противоречий по-своему, с выгодой для себя. Таким образом, конфликт, возникший между венецианским послом и интродуктором, выходит за рамки традиционного спора придворных о статусе и должен рассматриваться исключительно в контексте дипломатических взаимоотношений Франции с другими государствами.

²⁶ *Ibid.*, f. 415.

²⁷ *Duindam J. Vienna and Versailles: the Courts of Europe's Dynastic Rivals, 1550–1780.* Cambridge, 2003, p. 192–193.

²⁸ *Journal*, f. 418.

²⁹ *Moser F. L'ambassadrice et ses droits.* Berlin, 1754, p. 169.